

Марцевич Ю.В.

«Когда Бог вручает тебе дар, Он вручает ещё и кнут, исключительно для самобичевания»

(Трумен Капоте, из предисловия к сборнику «Музыка для хамелеонов», 1980 г.)

Кто такой Трумен Капоте? Многожанровость творчества писателя

Трумен Капоте (1924-1984) - культовый американский писатель, при жизни возведенный на литературный олимп и признанный живым классиком. После публикации его «невывымышленного романа» «Хладнокровное убийство» (1966 г.) литературные критики нарекли его ни много ни мало «Элвисом Пресли от литературы» («Elvis Presley of American letters») и называли единственным писателем (помимо Эрнеста Хэмингуэя), которого обыватель без труда узнает на улице.

Что же столь особенного в этой фигуре и отчего в нашей стране (к которой Капоте, нужно заметить, имел самую прямую связь!) он относительно малоизвестен?

Прежде всего, Капоте - удивительно многогранный автор. Он профессионально реализовался и оставил блестящий след в самых разных литературных жанрах (не считая кинокритики, написания сценариев к фильмам, театральные постановки и даже сыгранную роль в художественном фильме).

Начало литературного пути. Южная готика

Свой литературный путь он начал с жанра «южной готики» («Southern Gothic»). Полагаю, имеет смысл пролить некоторый свет на сущность этого жанра, поскольку в России он не сильно распространён. Южная готика - это специфический литературный жанр, характерный для американского Юга (что следует из самого названия), в котором чётко прослеживаются аллюзии к мистическим, гротескным элементам, широко используются приёмы предшествующей готической литературы, однако вместе с тем ставится акцент на мироустройство и реалии патриархального американского Юга. Южноготическому роману присущ небывало высокий интерес к религии; он исследует социальные несчастья - расовую нетерпимость, жестокость и бедность - столь характерные для американского Юга того времени. В объектив южной готики всегда попадает внутренний мир отдельного человека, с его переживаниями и бедами. Если обратиться к типичному герою южного романа, то наверняка это будет несчастный, отчужденный, одинокий человек, терзаемый своей социальной неустроенностью, «ненужностью никому», прозябающий в глухой и беспросветной южной глубинке.

Именно в этом жанре Капоте опубликовал свой первый роман «Другие голоса, другие комнаты» в 1948 году - когда ему было всего 23 года. Книга стала ярчайшим литературным дебютом послевоенного времени, обеспечив моментальную славу юному Капоте, которая с годами лишь укрепилась. Многие критики и рядовые читатели недоумевали: «Ну как столь юный человек смог написать настолько добротную, серьёзную и качественную книгу?» На что Капоте невозмутимо парировал: «Писать я начал в 8 лет - ни с того ни с сего, не побуждаемый ничьим примером. Я не знал ни одного пишущего, да и читающих мало кого знал. Как некоторые молодые люди упражняются на скрипке или фортепьяно по 4-5 часов в день, так и я возился со своими

бумажками и ручками». Ничего удивительно, что к моменту написания своего первого романа Капоте был уже «законченным» писателем.

Роман не только южноготичен, но и в известной степени автобиографичен. 13-летний Джоул Харрисон Нокс переезжает из родного Нового Орлеана после смерти матери к своим родственникам в сельскую Алабаму, в надежде обрести понимание и любовь, однако встречает угрюмых и странных людей в зловещем особняке.

«...Любовь - это нежность, а нежность, вопреки распространенному мнению, - не жалость; и еще меньше людей знают, что счастье в любви - не сосредоточенность всех чувств на предмете; любят множество вещей, и любимый является с тем, чтобы стать всех их символом; для истинно любящего на нашей земле любимый - это распускание сирени, огни кораблей, школьный колокольчик, пейзаж, беседа незабытая, друзья, воскресенья в детстве, сгинувшие голоса, любимый костюм, осень и все времена года, память...» (Трумен Капоте «Другие голоса, другие комнаты»).

Через 3 года, в 1951 году, Капоте издал новеллу «Голоса травы» (в прочих переводах - «Луговая арфа»). В ней чувствительные и рефлексиирующие люди, которым трудно жить по суровым законам социума, чешущих всех под одну гребенку, отправляются жить в домик на дереве. Лирическая и вновь автобиографическая книга, с лейтмотивами отторженности от общества, непонятия и неприятия им, ненужности и одиночества - что, конечно, позволяет отнести и эту книгу к южной готике. Вместе с тем произведение сентиментально и трогательно и напоминает мне «Вино из одуванчиков» Рея Брэдбери.

«Раньше я по кусочкам открывал себя другим людям — случайным попутчикам, исчезающим в людском потоке на сходнях, выходящим на следующей станции из вагона. Может быть, если их всех собрать, и получился бы тот самый единственный человек на свете, только он был бы о 10 лицах и расхаживал сразу по сотне улиц». (Трумен Капоте «Луговая арфа»).

Почему же Капоте начал именно с южной готики?

Почему же Капоте начал свою литературную стезю именно с южной готики? Как исследователь автора, могу предложить 3 объяснения этому. Во-первых, этот жанр был весьма популярен и востребован в США в первой половине 20-го века - в периоде так называемого «южного ренессанса». В этом направлении творили такие известные авторы, как Уильям Фолкнер, Карсон Маккалерс, Теннесси Уильямс. Вероятно, Капоте желал начать карьеру, влившись в модный тренд, как бы сказали сейчас. Во-вторых, Капоте - сам южанин. Он родился в Новом Орлеане, но в раннем детстве переехал к теткам в сельскую Алабаму, где и рос в 30-е годы. Таким образом, Капоте-южанин, живя в реалиях Юга, как никто другой, хорошо понимал то, о чем повествует южная готика. Ну и наконец, личные неурядицы Капоте (равнодушные родители, которым не было до него никакого дела; отец ушел, когда ребенку был год; грубая, пьющая и не всегда психически адекватная мать; ссылка к теткам в Алабаму на попечение; агрессивность сверстников за «непохожесть» Капоте на то, каким должен быть по общему представлению «нормальный» мальчишка). Все это взрастило в Капоте ту самую отчужденность, «никому ненужность», отторженность от общества, которые присущи героям южной готики. Предположу, что Капоте написал не

южнототические романы, а автобиографии в южнототическом стиле. Далее находим подтверждение этому в словах самого Капоте: «Человек, выросший в городишке вроде Монровилля, испытывает странное чувство одиночества, а когда к этому прибавляется обостренность восприятия, творческий импульс становится очень сильным. Я писал потому, что это отчасти избавляло меня от ощущения одиночества. То же самое пережили многие писатели с Юга. Наша изоляция помогала оттачивать талант». Многочисленные рассказы Капоте (Капоте известен и как стилистически блестящий автор малых форм) - также созданы в южнототической манере.

От южной готики к более приземленным жанрам

После «Других голосов, других комнат» и «Голосов травы» с южной готикой было покончено - Капоте решил обратиться, скажем так, к общему, не столь специфичному жанру и в 1958 году опубликовал довольно легкомысленную новеллу «Завтрак у Тиффани» - о Холли Голайтли, юной взбалмошной охотнице за счастьем, брошенной своими друзьями, посещающей вечеринки в надежде на знакомство с перспективными мужчинами. С рассказчиком - писателем - она ведет душевные разговоры, посвящая его в детали своей жизни. «Завтрак у Тиффани» совсем не похож на мрачную, макабрическую южную готику, еще недавно выходившую из-под пера Капоте. Местом действия отныне выступают необъятные каменные джунгли Нью-Йорка - контрапункт сельской алабамской глуши!

Это стилистически выверенная, написанная блестящим языком, легкая, в хорошем смысле, книга. На легковесность намекает и говорящая фамилия ее героини - Голайтли (Golightly) - «идти (по жизни) легко» - с таким кредо и живет юная героиня новеллы. В 1961 году книга была успешно экранизирована Блейком Эдвардсом с блистательной и обаятельной Одри Хепберн в главной роли.

«В “Завтраке у Тиффани” я не изменил бы ни слова, этой книге суждено стать классикой», - так лестно отозвался о книге известный писатель, журналист и в дальнейшем последователь Капоте Норман Мейлер.

«Завтрак у Тиффани», на мой взгляд, стоит выделить особняком, поскольку это именно та книга, благодаря которой имя Капоте известно в России (а книга, в свою очередь, прославилась благодаря одноименному оскароносному фильму). Лично мне представляется это досадной несправедливостью, поскольку одной этой, несомненно, милой, но не исчерпывающей небольшой новеллой обширное наследие Капоте не ограничивается. Мне вторит издатель Иван Ключев, основатель издательства «Найди лесоруба», в котором в 2019 г. вышел комментарий к неоконченному роману Капоте «Услышанные молитвы»: «Мне всегда казалось жуткой несправедливостью, что Капоте в России оказался в тени Сэлинджера, битников, великих послевоенных фантастов. Что он известен как автор «Завтрака у Тиффани», вещи бесконечно обаятельной и язвительной, но все же далеко не самой важной в его наследии. Что вклад Трумена в жанр документального романа недооценен» (И. Ключев, 2019 г.).

Капоте - репортер и документалист. Русские переводчики Капоте

Так мы плавно подошли к третьему (наиболее важному для меня) документальному этапу творчества - в нем Капоте предстает как журналист, документалист и «невывымышленный романист» (по его же словам). Нужно отметить, что интерес к документалистике проявился у Капоте с юности и

оставался непреходящим всю его творческую жизнь. Вот, что он сам пишет об истоках своего увлечения документалистикой: «Самым интересным в моих писаниях тех лет были ежедневные обычные наблюдения, которые я заносил в дневник. Описания соседа. Длинные дословные отчеты о подслушанных разговорах. Местные сплетни. Репортерство в жанре «увиденного» и «услышанного». Это направление впервые проявилось в сборнике портретов и очерков 1950-го года «Местный колорит».

Продолжая документальный жанр, в 1956 году Капоте издает книгу «Музы слышны» - о гастролях в советских Москве и Ленинграде черной американской труппы с известной оперой Джорджа Гершвина «Порги и Бесс зимой 1955 года. Капоте в ипостаси репортера-корреспондента сопровождал труппу в ее гастролях. Трудно переоценить значение как самих гастролей, так и книги, им посвященной. Филолог-американист Алексей Зверев пишет: «Это был первый серьезный культурный обмен после десяти лет абсолютно непроницаемого «железного занавеса» - событие по-своему символическое, обладавшее не только художественным, но и общественным значением» (А. Зверев, 2001 г.)

Виктор Петрович Голышев, патриарх отечественного перевода и, пожалуй, главный переводчик Капоте в России (благодаря его труду Капоте заговорил по-русски в романах «Другие голоса, другие комнаты», «Завтрак у Тиффани» и ряде рассказов), оценивая значимость произошедшего, отмечает: «Для советских людей этот приезд был едва ли не первым дуновением воздуха западной культуры из-за «железного занавеса»; для американцев - едва ли не первым обыденным свидетельством о жизни загадочного и опасного соседа по планете» (В. П. Голышев, предисловие к роману «Другие голоса, другие комнаты», 1995 г.). И все это увековечил Капоте, сопровождавший труппу во время гастролей, в своем репортаже «Музы слышны». С горечью отмечу, что перевод этого блестящего очерка на русский был опубликован лишь в 2007 году в журнале «Звезда» - спустя 51 год (!) после публикации на английском языке. Вызывает некоторое недоумение такая необъяснимая нерасторопность: очевидно, что переводятся не все книги. Но ведь в данном случае мы говорим о писателе с мировым именем, который оставил талантливые, в прямом смысле исторические воспоминания о нашей стране, о наших людях, быте и духе того времени. Перевод выполнен Ниной Ставиской - из династии переводчиков - дочери переводчицы Руфи Зерновой. В моей коллекции имеется открытка с дарственной надписью и автографом Нины Ставиской.

Ранее мы уже упомянули целый ряд замечательных переводчиков и исследователей, благодаря которым Капоте заговорил по-русски. Назовем еще несколько знаковых имен. Суламифь Митина («Луговая арфа», рассказы), Елена Суриц, Раиса Облонская, Инна Стам, Владимир Бабков, Григорий Дашевский (рассказы).

Магнум опус Трумена Капоте. Новаторство писателя; революция в литературе и журналистике

Книга «Музы слышны» проторила путь магнум опус Трумена Капоте - «невывымышленному роману» «Хладнокровное убийство» 1966 года. Вот, как сам Капоте описывает это: «Вот уже несколько лет меня все больше увлекала журналистика как самостоятельная художественная форма. На то были две причины. Во-первых, мне казалось, что после 1920-х годов в прозе и вообще в литературе никаких подлинных новаций не было. Во-вторых, журналистика как форма искусства была девственной территорией по той простой причине, что

очень немногие художники слова занимались повествовательной журналистикой, а если занимались, то в форме очерков о путешествиях или автобиографий. «Музы слышны» направили мою мысль совсем в другое русло: я хотел написать журналистский роман, нечто масштабное, обладающее убедительностью факта, непосредственностью воздействия, как фильм, глубиной и свободой прозы и точностью поэзии». Как же, однако, отрадно, что очерк именно о нашей стране сподвиг Капоте на написание шедевра всей его жизни! В книге «Хладнокровное убийство» Капоте представил миру принципиально новый жанр - «новый журнализм» или «невывымышленный роман» - гибридный жанр, стоящий на стыке традиционной журналистики и высокой литературы. «Хладнокровное убийство», в частности, относится к поджанру «true crime» («настоящее преступление»).

В своей книге Капоте, впервые в мировой литературе, успешно синтезировал художественную литературу и журналистику. Роман рассказывает о реальном жестоком убийстве целой семьи фермера Герберта Клаттера в провинциальном Канзасе в ноябре 1959 года. Об этом убийстве Капоте узнал совершенно случайно - пролистывая газету в метро. И сразу понял, о чем будет его новая работа.

Все события, люди, факты, обстоятельства и разговоры, изложенные в книге - реальны. Но описаны они при этом высоким, художественным литературным языком. У читателя возникает ощущение, что перед ним - классический роман с детективным уклоном. В то время как абсолютно всё из книги - правда. Это создает ошеломляющий эффект. Капоте провёл долгие 6 лет в Канзасе, собирая обширный материал для своего будущего документального шедевра: беседовал со следователями по делу и их семьями, с родственниками, знакомыми и соседями убитых, с разными обитателями городка, где произошла страшная резня. Вершиной мастерства и профессионального перфекционизма Капоте стало его непосредственное обстоятельное, долгое, ЛИЧНОЕ общение с обоими убийцами! Впоследствии Капоте лично присутствовал на казни обоих преступников в апреле 1965 года. Их казнь позволила Капоте наконец-то поставить точку в своей книге. Повешение убийц также запечатлено в финале романа.

Кстати говоря, Капоте в Канзасе сопровождала его подруга детства, Харпер Ли - другая прославленная писательница, автор знаменитой книги «Убить пересмешника». Она помогала писателю располагать к себе людей и собирать материал для будущего документального шедевра.

Роман Капоте снискал огромную славу. Капоте стал одним из наиболее популярных и известных писателей Америки, при жизни получив статус классика. По случаю выхода романа в 1966 году Капоте созвал впоследствии обросший легендами «Чёрно-белый бал», куда мечтала попасть вся элита Америки, включая президентов. Роман был неоднократно экранизирован (фильм «Капоте» 2005 года, построенный вокруг этой книги, получил «Оскар», в роли Капоте - Филип Сеймур Хоффман). Роман породил стиль «новой журналистики», в котором вскоре начали работать другие авторы (Норман Мейлер, Том Вулф, Хантер Томпсон и др.). Они также пробовали свои силы в сплаве литературы и журналистики. Однако им не удалось достичь высот «Хладнокровного убийства». Примечательно, что Норман Мейлер изначально критиковал новаторство Капоте, охарактеризовав его документальный роман как «отказ воображения» - «подразумеваемая, видимо, что романист должен писать о чем-то воображаемом, а не о чем-то реальном» (Капоте). Однако, оценив

фурор, который произвела книга Капоте, сам создал произведения в этом же, новом жанре («Армии ночи», «Огонь на луне», «Песнь палача»). Очевидно, испытывая некоторую неловкость за свои ранее сказанные неосторожные слова в адрес Капоте, Мейлер старательно избегал называть свои книги «невывымышленными романами». Хотя всем был ясен первоисточник.

Переводчик Виктор Гольшев отмечает еще одну важную особенность романа Капоте на фоне последовавшего после него эпигонства: «Капоте оказался как всегда оригинальным: тогда как у «новых журналистов», вроде известных у нас Тома Вулфа и Нормана Мейлера, пишущий находится на первом плане и его переживания чуть ли не важнее того, о чем он пишет, для Капоте, по его признанию, самым трудным в этой работе было полностью убраться из книги».

Мало кто знает, что впервые «Хладнокровное убийство» перевел на русский язык в 1966 г. (почти синхронно с выходом в США!) известный ныне журналист, Владимир Познер, последний литературный секретарь Самуила Маршака. Перевод был издан в журнале «Иностранная литература» и выполнен в соавторстве с тогдашней супругой Познера, Валентиной Чемберджи. В изводе Познера книга была названа «Обыкновенным убийством». Увы, перевод оказался неудачным: он был не полон (в два с половиной раза меньше оригинала!), зачастую американские реалии были переданы не адекватно. Даже название книги («Обыкновенное убийство») было передано, на мой взгляд, не вполне корректно. Книга Капоте называется «In Cold Blood» - автор как раз делает акцент на том, что это отнюдь не тривиальное, не обыкновенное, а хладнокровное, ничем не вызванное и не мотивированное убийство. Иными словами, это был, скорее, любительский перевод. Полный, качественный и канонический перевод романа увидел свет лишь в 2001 году, спустя 35 лет после публикации книги. Его выполнила переводчица Мария Гальперина. Как и перевод «Музы слышны» эту книгу российскому читателю пришлось ждать долго.

Влияние нового журнализма Капоте в мире и в России

Благодаря Трумену Капоте мир узнал имена и других «новых журналистов» - можно упомянуть Винсента Буглиози "Хелтер Склтер" (1974 г.), Джеймса Элроя «Черный георгин» (1987 г.), Хантера Томпсона «Ангелы ада» (1967 г). Томас Вулф, который много десятилетий носил неофициальный титул самого знаменитого журналиста Америки, взялся обобщить и систематизировать накопленные знания о новой журналистике и в 1973 г. издал «Новую журналистику и антологию новой журналистики». Вот, как объясняет Вулф возникший интерес к новому журнализму: «Меня заинтересовало не просто открытие того, что можно писать достоверную документальную прозу, используя технику, относимую обыкновенно к жанру романа или рассказа. Это было нечто большее. Это было открытие того факта, что в документалистике, в журналистике можно использовать любые литературные приёмы — от традиционных диалогизмов эссеистики до потоков сознания — и применять их одновременно или в относительно сжатом контексте... возбуждая читателя не только интеллектуально, но и эмоционально».

Между прочим, Томас Вулф и сам попробовал силы в новой журналистике, написав книгу со сложным названием (он такие любил!) «Электропрохладительный кислотный тест» - о природе культа «кислотного калифорнийского хиппи» Кена Кизи.

К сожалению, влияние нового журнализма, зародившегося в 60-е годы в США после выхода «Хладнокровного убийства», на отечественных литературных деятелей оказалось минимальным. В этом отношении необходимо упомянуть писателя Эдуарда Лимонова (1943-2020) и его скандальный, во многом автобиографический роман «Это я, Эдичка», написанный в Нью-Йорке в 1976 году. Эдичка, герой романа - русский эмигрант в Нью-Йорке, брошенный женой и живущий на социальное пособие, работает, где только ни придется. Текст автобиографического романа изобилует обсценной лексикой и детальным описанием интимных сцен. Любопытный исторический факт: Капоте и Лимонов были лично знакомы - они встречались в нью-йоркском кафе в 1979 году. Капоте заинтересовался рукописью «Это я, Эдичка» и захотел лично познакомиться с автором. А Лимонов, через русские эмигрантские круги в США, смог раздобыть личный телефон Капоте. И вот так, не с первого раза, организовалась встреча. Вот, как Лимонов вспоминает знакомство с Капоте: «Мы встретились в тот же день в баре на Первой авеню, практически на равноудаленном расстоянии от площади Дага Хаммаршельда и Саттон-сквер. Встреча продолжалась тридцать минут. Я пил пиво «Гиннесс», он — какую-то водичку. Выглядел он следующим образом: серые брюки, чёрная куртка из искусственной блестящей ткани, под курткой — серая тишотка с длинным рукавом. Придя и садясь за столик, он разматал с шеи шарф. Я встал (я пришел минут на десять раньше и волновался, выглядывая в окно) и пожал ему руку. В этот момент официант вдвинул под него сзади стул. Он был действительно усталый, тела было мало. Он был похож на выпавшую из гнезда птицу. Есть такие птенцы, без перьев, все в жилах, венах, кровеносных сосудах, им всего пара дней от роду, но выглядят они стариками. Вот такой был он». Кроме того, Лимонов упоминает, что читал «Хладнокровное убийство». Кто знает, может и документальный автобиографический роман Лимонова был вдохновлен успехом «Хладнокровного убийства» - об этом русский эмигрант умалчивает.

Также можно вспомнить писателя Александра Кабакова (1943-2020), в отдельных произведениях которого прослеживаются элементы нового журнализма («Невозвращенец», 1990 г.).

Последней оконченной и изданной при жизни книгой Капоте стала «Музыка для хамелеонов» (1980 г.) - сборник рассказов («моцартовская мозаика» - по определению автора) - на сей раз в псевдодокументальном стиле. Псевдодокументальность оттого, что Капоте соблюдены традиционные каноны основанной им же новой журналистики, но проверить подлинность историй, отличить факт от вымысла не представляется возможным. Воистину, по Байрону, «правда всякой выдумки странней». Уже упоминавшийся филолог-американист Алексей Зверев отмечает: «Жанр своих книг Капоте может определять очень по-разному: повести, наблюдения, портреты в разговорном стиле, небеллетристический роман и т.д. Но это всегда особый, авторский жанр, оставшийся уникальным, хотя у его создателя масса учеников и последователей. Причем повсюду в мире».

Аллюзии «тру крайм» в документальном кино

Капотевский «тру крайм» (основанный им же в «Хладнокровном убийстве» поджанр нового журнализма) нашел свое продолжение не только в литературных работах последователей Капоте, о которых мы уже упоминали, но и в документальном кино. Можно назвать документальную ленту

советско-латвийского режиссера Герца Франка «Высший суд» (1987 г.). Фильм стал лауреатом первого фестиваля документального кино «Россия» в Свердловске (ныне г. Екатеринбург) и оказал заметное влияние в ходе публичных дебатов по отмене смертной казни во время Перестройки. Также можно вспомнить фильм «В бездну. Повесть о смерти, повесть о жизни» Вернера Херцога 2011 года. Фильм - лауреат премии Гривсона за лучший документальный фильм на Лондонском кинофестивале. Оба фильма, как и Капоте в своем романе, исследуют преступление и наказание, эволюцию души преступника, его раскаяние либо нераскаяние в содеянном, попытки найти истинные причины свершившегося.

Истоки моего персонального интереса к Капоте

Каковы же истоки моего персонального интереса к Капоте? Скажу честно, узнал о нем совершенно случайно, в интернете, в конце нулевых, во время обучения на журфаке УрФУ. Мне запомнилось само имя - Трумен Капоте - оно показалось мне красивым и поэтичным. Далее в книжном магазине приобрел сборник его рассказов - ныне зачитанный до дыр. Первое, что поразило, это безупречное мастерство писателя, изящный, изысканный, ни с кем и ни с чем не сопоставимый стиль языка. Я поймал себя на устойчивом ощущении, будто читаю Пушкина, но в прозе - так же естественно, непринужденно и невымученно разворачивается проза Капоте. Действительно, Капоте слыл перфекционистом и выверял каждую букву с запятой, взвешивая их на самых точных весах. Его кредо: лучше написать меньше, но лучше. Уже спустя годы он перечитывал собственные ранние сочинения и с нарастающим ужасом обнаруживал их несовершенство. Как признается сам Капоте: «Удовольствие от письма кончилось, когда обнаружил разницу между хорошим письмом и плохим, а потом сделал еще более тревожное открытие: разницу между очень хорошим письмом и подлинным искусством. Едва уловимую, но страшную».

Уже потом я стал знакомиться с новым журнализмом Капоте, прочитав «Музы слышны» и «Хладнокровное убийство». Последняя книга произвела сильнейшее впечатление. Для меня как для студента факультета журналистики это был особо ценный опыт. С такой художественной и талантливой журналистикой высшей пробы я еще не имел дело! В этом отношении невероятно странным и непростительным упущением мне показалось (кажется и сейчас) то, что за все 5 лет обучения на журфаке имя Капоте не прозвучало ни разу - даже во время курса по зарубежной журналистике. Но кто же как не он имеет самое прямое отношение к настоящей революции в журналистике, к уникальному сплаву ее с высокой литературой - он подружил и соединил две материи, которые всегда, казалось бы, шли порознь и друг от друга недолюбливали. Тогда я решил, что буду изучать Капоте самостоятельно.

Мой опыт в переводе произведений Капоте на русский

В 2014 году (год 90-летия писателя) в интернете я случайно наткнулся на группу по исследованию творчества Капоте. Группой руководит Денис Захаров - писатель, кандидат исторических наук, человек, внесший, пожалуй, наиболее весомый вклад в популяризацию Капоте в России. В 2014 году Денис подготовил книгу с различными архивными материалами по Капоте. Далее он совершил самое настоящее литературное открытие - в архиве Капоте в нью-йоркской публичной библиотеки он обнаружил ранее не изданные рассказы Капоте и привез их в Россию, был подготовлен их перевод. В 2019 г. в

издательстве «Найди лесоруба» Денис опубликовал комментарий к неоконченному роману Капоте «Услышанные молитвы». Слово «комментарий» не должно вводить вас в заблуждение - труд Дениса читается как полноценная, самостоятельная книга, увлекательный детектив по американской жизни более, чем полувекковой давности. Помимо книг Денис подготовил множество комментариев, научных статей по Капоте, вышедших в научных филологических журналах.

В 2020, к 60-летию романа Харпер Ли (подруга детства Капоте) «Убить пересмешника» Денис издал книгу «Неизвестная Харпер Ли» - в книгу вошли ранее абсолютно не известные широкому читателю эссе, зарисовки и статьи Харпер Ли, что, несомненно, намертво разрушает устоявшийся миф о ней как об авторе лишь одного романа. Я принимал прямое участие в подготовке этой книги: мой перевод одного из ранних эссе Харпер Ли «Цена поступления» был отобран на конкурсе как лучший и включен в печатную книгу. В эссе юная Харпер Ли рассказывает о бюрократических перипетиях и подводных камнях при поступлении в обычный американский колледж в 40-х годах.

Все эти годы продолжалось мое активное сотрудничество с Денисом и с его группой в качестве переводчика. Я перевел, пожалуй, не один десяток материалов о писателе, интервью с ним, личные комментарии. Мои переводы опубликованы в книге, брошюрах и на русском сайте группы Капоте. Следующий год будет ознаменован грандиозной датой - 100-летием писателя - и я с нетерпением жду участия в каком-то новом проекте.

Из всего корпуса подготовленных мной переводов могу выделить программную речь Трумена Капоте, которую он произнес в ходе публичного выступления в Палм Коуст, Флорида на симпозиуме «О состоянии человечества». Г-н Капоте стал одним из 13 выдающихся властителей дум среди писателей, представителей гуманитарных и естественных наук, общественных и образовательных деятелей, которые обратились с речью к собранию наставников в Палм Коусте, Флорида, быстрорастущем и высокоразвитом новом поселении, расположенном между Дэйтона Бич и Сейнт Августин на Атлантическом побережье Флориды. Вдохновителем для создания как Палм Коуст, так и симпозиума стал д-р Норман Янг, специалист по городскому планированию, поведенческий психолог и учёный.

Одной из тем симпозиума стало взаимодействие искусства и жизни. Именно эту тему (в особенности: популярная культура против элитарной культуры) Капоте выбрал своей отправной точкой.

Переводил и речь верной подруги Капоте, Харпер Ли - напутствие к выпускникам Вест-Пойнта (старейшей из пяти военных академий в США) в феврале 1965 г. В авторе мужественной и мотивирующей речи с трудом можно признать хрупкую женщину, написавшую свой культовый роман о расовой терпимости, ставшим революцией в пуританской Америке того времени.

Перевел критическую статью Капоте под названием «Дух мотылька», опубликованную в «Вашингтон Пост» и «Таймс Геральд» 3 апреля 1966 г. Материал Капоте представляет собой гневную (в фирменном язвительном стиле) отповедь одиозному театральному критику Кеннету Тайнену, который обрушился с резкой критикой на автора после публикации «Хладнокровного убийства», обвиняя его чуть ли не во всех смертных грехах: будто бы он мог, но не пожелал спасти убийц семьи Клаттера от повешения; будто бы он хотел этих казней как можно быстрее, чтобы завершить свою книгу; будто бы он намеренно исказил фактологию в книге ради большего коммерческого успеха и

придания сенсационности книге. Капоте ответил критику достойно, красиво и обстоятельно по всем пунктам «обвинения».

Не без некоторой гордости упомяну, что мне доверили перевод эссе-очерка Капоте под названием «Три соседки». Это произведение оказалось последним материалом Капоте для журнала «Эсквайр». Изначально оно готовилось для выпуска журнала под названием «50 людей, изменивших мир», посвященному 50-летию юбилею журнала в 1983 году. В следующем году Капоте не станет - он не доживет всего месяц до своего 60-летия. Произведение в духе нового журнализма, тот же хлесткий и элегантный стиль, по стилистике невероятно напоминающее новеллы из сборника «Музыка для хамелеонов» (что не удивительно - написано примерно в те же годы), сопровождающееся сентиментальным подзаголовком: «Трио блестящих леди, которых я случайно повстречал и не позабыл».

Не скрою, мне отраднее, что я смог непосредственно поучаствовать в переводе в том числе художественных произведений Капоте на русский язык и внести свою скромную лепту в популяризацию в России этого великолепного, самобытного, но, к огромному сожалению, малоизвестного у нас писателя. В перспективе вижу для себя большое поле работы - написание диссертации по Капоте и, конечно, новые переводы, новые проекты. Возможно, мои изыскания приведут и к возрождению интереса к новой журналистике в России.

Автор: *Юрий Марцевич*, аспирант УГИ УрФУ (г. Екатеринбург)

Научный руководитель: *Мясникова Марина Александровна*, доктор филологических наук, профессор УрФУ